

Кукрыниксы . Образы Гитлера. Фашизм.

Ко времени Великой Отечественной войны искусство Кукрыниксов-сатириков достигло полной, глубокой зрелости. Окончательно сложилась творческая методология, определился весьма широкий диапазон художественных приемов, была отточена до блеска изобразительная техника. А главное — враг был взят на прицел, изучен и понят. Он был понят художниками не только конкретно-политически, но и нравственно, эстетически (как ни странно звучат в этом контексте подобные слова). С вышки социалистического гуманизма Кукрыниксы зорко увидели и распознали не только общественную суть фашистских концепций, но и все их взаимоотношения с жизнью эпохи в целом и каждого ее современника в отдельности. Перед глазами мастеров стояли не отвлеченные тезисы, но живые судьбы. А это уже тема полнокровного искусства. Разоблачая бесчеловечность как оборотную сторону и внутренний импульс любых теорий и действий фашизма, Кукрыниксы вдохновлялись образной идеей, полной благородного этического смысла и высокой содержательности. В этом первооснова их творческого и гражданского подвига времен борьбы с фашистским нашествием.

Кукрыниксы, С. Михалков, С. Маршак около танка, приобретенного на их средства. (1942г.)

Свою первую работу эпохи 1941 – 1945 годов – плакат «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» – Кукрыниксы выполнили в первый же день, точнее, в первый же вечер войны – 22 июня 1941 года. 24 июня плакат стал неотъемлемой частью мгновенно изменившегося, сурово напряженного облика Москвы, а затем и других «наших городов. Он вошел в жизнь советских людей, как призывные повестки и затемненные окна. В нем отчеканилась с лапидарной ясностью краткой формулы вся ситуация начавшейся великой борьбы: сбросивший маску Гитлер против Красной Армии, против свободы; людоед против человека. Грубовато, до резкости прямолинейно? Да! И некоторые другие плакаты Кукрыниксов, сделанные в годы войны, таковы же. Иными они и не могли быть. Это ведь не зрелище для медлительно-задумчивого музейного созерцания. Необходимо было создать образы, способные прорваться сквозь бурю грохочущих событий и волнений военного времени, захватить своим гневом и страстью воображение каждого, поведать о главных, решающих особенностях происходящего на языке простых, отчетливо ясных истин. Кукрыниксы это сумели. Их искусство, как никогда, обрело общенародный характер. И дело оно делало общее. Оно воевало. Художники прибегали к разным жанрам, как к различным родам оружия. Они били по врагу дальнобойными залпами плакатов, обстреливали полчища оккупантов минами и торпедами своих карикатур, забрасывали в их тылы десанты сатирических листовок.

«ПРЕВРАЩЕНИЕ ФРИЦОВ»

1943г.

- ▣ *То не звери с диким воем
В бурный ринулись поток,
Это Гитлер строй за строем
Гонит "фрицев" на восток.*
- ▣ *Здесь, где окна все – бойницы,
Здесь, где смерть таят
кусты,
Здесь, глотнув чужой
землицы,
Одураченные "фрицы"
Превращаются в кресты.*
- ▣ *Гибель сволочи немецкой
Не чьё-либо колдовство.
Это армии советской
Боевое торжество*

Скажем, в «Превращении фрицев» (1943) шеренги немецких солдат, направляемых указующим перстом Гитлера, «преобразуются» сначала в шагающие фашистские знаки, а затем в ряды березовых крестов на заснеженных русских полях. Метафорическое действие карикатуры с четкостью афоризма запечатлевает всю историю гитлеровского нашествия — от истоков до финала, который художники с полной убежденностью предвидели.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

ДНЕМ ФАШИСТ СКАЗАЛ КРЕСТЬЯНАМ:
„ШАПКУ С ГОЛОВЫ ДОЛОЙ!”

НОЧЬЮ ОТДАЛ ПАРТИЗАНАМ
КАСКУ ВМЕСТЕ С ГОЛОВОЙ.

ЮНЫЙ ФРИЦ (1941 г.)

1 ШАПОВЛИВ БЫЛ ЮНЫЙ ФРИЦ,
РЕЗАЛ КОШЕК, ВЕШАЛ ПТИЦ.

2 ОН ПОДРОС И СТАЛ УМНЕЕ,
ПИЛ ОН ПИВО НЕ ПЬЯНЕЯ.

3 БЫЛ ИСКУССТВА ЗНАТОКОМ,
БЫЛ СКУЛЬПТУРУ МОЛОТКОМ.

4 ПО УТРАМ ИГРАЛ В ТРУБУ
И ЧИТАЛ „МОЮ БОРЬБУ”

6 ПОКАТИЛ ОН НА ВОЙНУ,
ГРАБИТЬ РУССКУЮ СТРАНУ.

5 У БАНДИТОВ СЛЫЛ ГЕРОЕМ,
ПРОМЫШЛЯЛ НОЧНЫМ РАЗБОЕМ.

Тут они несколько парадоксальны: автор стремился доказать, что нельзя создать точную словесную параллель работам художников: сатирические произведения Кукрыниксов составляют исключительную принадлежность зрительного ряда впечатлений, стихии зрительных образов. Мне могут возразить, что изобразительное искусство, так же как музыка и архитектура, всегда обладало своей особой и неповторимой художественной речью, для которой немислимо найти исчерпывающе точный словесный эквивалент.

Вот такие карикатуры можно не только пересказать, но и без всяких утрат, полноценно заменить словами. Я не намереваюсь пускать в ход качественные критерии, говорить о том, насколько хорош или плох жанр «пиктографической» карикатуры — он существует и представляет собой особое явление, в котором надобно разбираться подробно и основательно. Но что касается Кукрыниксов, их творчество целиком и безраздельно принадлежит изобразительному искусству, вековой традиции сатирической графики, основанной на приемах чисто зрительных характеристик, уподоблений, метафор. В годы войны глубокой зрелости и виртуозной артистичности достигло не только рисуночное мастерство художников, но и само их зрительно-образное мышление. Свободная игра сатирической фантазии, легкость и упругая сила ее полета, способность к мгновенной и всякий раз оригинальной образной импровизации на актуальную, хоть нынче возникшую тему — все это стало повседневной атмосферой творчества художников. В 1941 — 1945 годах они создали сотни карикатур, и любая из них — хоть крохотная заставка для листовки, хоть рисуночек наклейки на обертке пищевого концентрата — содержит свой сатирический образ. Кукрыниксы просто не могут иначе: изобразительная метафора — родная речь их карикатур. К слову сказать, органичность этой речи — одно из очевидных доказательств полнокровной жизненности классических традиций в области сатиры, способности этих традиций давать новые побег, вступать в живое сопряжение, с нашей современностью

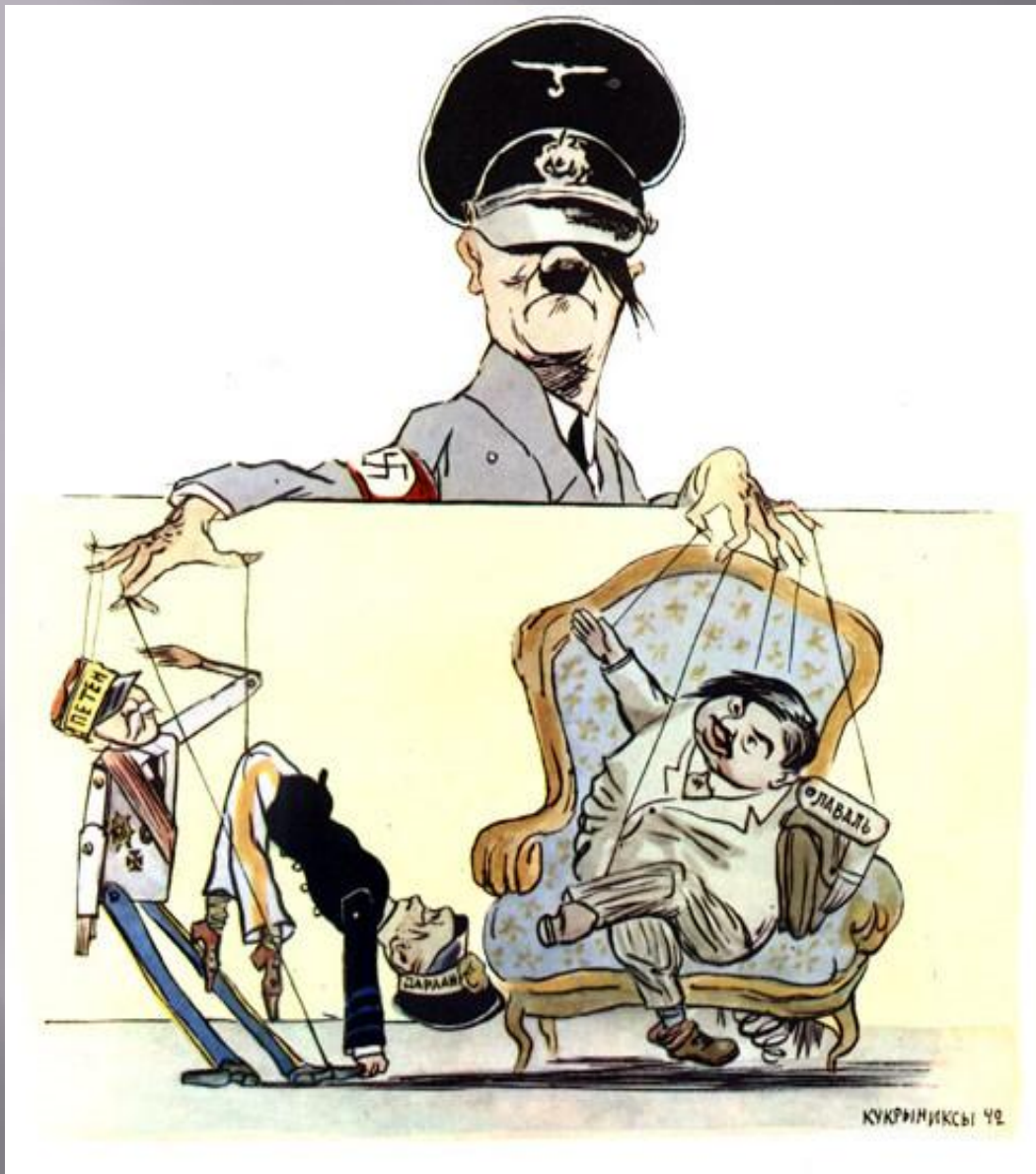

Сходным порядком метафора во многих других работах — легко обозримых, ясных и броских в своей стремительной образной динамике — на свой манер трактует значительные события времени, подводит их итоги, обнажает самое главное и существенное. Гитлер пытался паучьими лапами своих танковых дивизий окружить, взять в клещи Москву, но напоролся на мертвую хватку других клещей — ответного удара Советской Армии («Клещи в клещи», 1941). Те же крепкие, рабочие клещи (уподобление, разумеется, неслучайное), изогнувшись в цифру «3», своими концами сдавливают глотку фюрера («Три года войны», 1944). У пустоголового фанатика в Берлине уже «котелок не варит» — и вот результат его безмозглой стратегии — «русский котел под Минском», в который приклад советского бойца уминает кучи немцев («Два котла», 1944).

КЛЕЩИ В КЛЕЩИ

28. Клещи в клещи. 1941

Кукольная кодия в постановке «Театра Виши»
1942

Но вернемся к содержанию военных карикатур Кукрыниксов. Не было ли в них некоторой облегченности, не показывали ли они сильного и беспощадного врага всего лишь жалким и нелепо-смехотворным?

На такой вопрос нельзя ответить односложно. При всей внешней простоте и общепонятности кукрыниксовых карикатур они содержат несколько образных слоев. Конечно, фашисты подвергаются в них осмеянию. Художники того и добивались, чтобы первой эмоциональной реакцией, которую способны вызвать их рисунки и плакаты, был смех советских зрителей над гитлеровцами, даже в самые трудные для нас периоды войны (я бы сказал, в такие периоды — особенно). Ибо этот смех придавал силы в смертельной схватке, превращал в пустую легенду миф о непобедимости фашистских полчищ, внушал презрение к врагу, а смешной и презираемый враг — не страшен.

Но стоит призадуматься над природой и основой этого смеха. Не просто же выдуманными комическими ситуациями он вызван, не нарочитым оглушением фашистов, их облика и поступков. Это смех исторической справедливости над грязной неправотой, смех с позиций морального и общественного превосходства. Когда Гитлера и его присных изображают безмозглыми, пустоголовыми, то ведь не в том же дело, что художники хотят убедить зрителей в клинической психопатии главарей фашизма, в том, что эти «деятели» — форменные идиоты, игрой случая оказавшиеся у руля власти. Это куда как просто, но тогда подлинная обстановка великой борьбы подвергается бы недопустимому искажению: не

Убийца, погромщик и вор.

1942г.

Зверство —
душа
фашизма;
власть
НИЗМЕННЫХ
ИНСТИНКТОВ
ЛЕЖИТ В
ОСНОВЕ ВСЕХ
ПОБУЖДЕНИ
Й И
ПОСТУПКОВ
ЕГО
ДЕЯТЕЛЕЙ.

Кукрыниксы
в гостях у генерала
М. Е. Катюкова
под Берлином.
1945 г. Май

Кукрыниксы обыгрывают этот омерзительный парадокс не только как материал для художественных метафор и гипербол, но и как «формулу обвинения», если говорить языком юриспруденции. Они бросают в звериную морду фашизма прокурорский заряд своей сатиры, «облитый горечью и злостью». Они обвиняют фашизм в бесчеловечности. Обвиняют зримо — образы карикатур воспринимаются как вещественные доказательства подлейших преступлений. Фантастическая эксцентриада рисунков, абсолютно далеких от «внешнего правдоподобия», не только не препятствует их жизненной убедительности, но, напротив, является тут ее вернейшим залогом. Есть ли хоть какое-нибудь сходство между обликом больного и вирусом, вызвавшим недуг? А Кукрыниксы показывают именно вирус фашистской эпидемии, обнажают ее скрытую, затаенную суть.

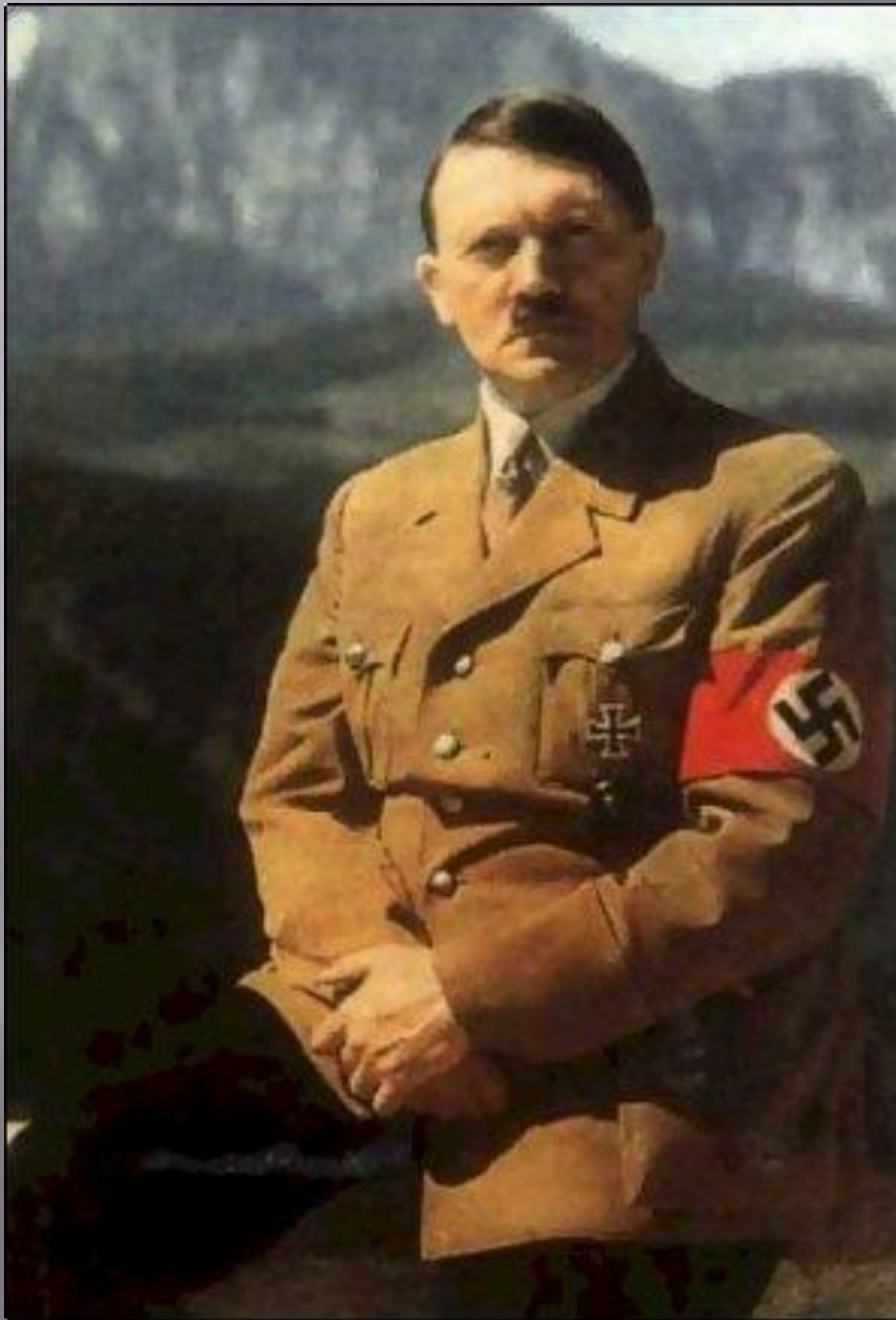
Потеряла я колечко , а в колечке 22 дивизии .
1943г.

Звери в карикатурах Кукрыниксов — особого рода. Ни в каких зоопарках вы их не встретите. К анималистическому жанру они касательства не имеют. Это не удивительно: ведь даже самый наглый шакал, самая ядовитая змея, самая злобная акула куда благороднее и привлекательней фашиста. Их, шакалов и змей, собственно, не в чем винить — они живут по тем законам, какие предписала им сама природа. А фашизм — гнусное извращение человеческой природы, надругательство над ней. Он — виновник отвратительной метаморфозы: люди, сохраняя человеческое обличье ведут себя как хищники и пресмыкающиеся. Это чудовищные кентавры, равно несходные и с нормальным «гомо сапиенс» и с обычным животным. К слову сказать, именно эта коллизия очень точно воплощена художниками в одном из «Окон ТАСС» («Крыловская мартышка о Геббельсе», 1934); жалкая, удрученная обезьянка с испуганным изумлением рассматривает портрет последние времена стали, пожалуй, еще суровой и жестче в своем резком и гневном сарказме, не развлекают, не забавляют на досуге. Они зовут к борьбе, к высокому напряжению сил во имя защиты идеалов добра и справедливости. Оценивая с позиций социалистической идейности конкретные политические ситуации, Кукрыниксы придают своему творчеству общечеловеческий характер, размышляют о судьбах всей людской цивилизации, воюют за ее светлое будущее. Художники обрушиваются на врагов мира и свободы всей разящей силой своего зрелого, неугасающего таланта. Они могли бы, обращаясь к прежним к новоявленным «Гитлерам всех мастей», хлестнуть их бичом гневно-презрительных пушкинских строк: «Всю вашу сволочь буду я мучить казнию стыда». Эта яростная тирада прозвучала бы как девиз всей их работы в сатире, как клятва, которую они сдержали, которой свято верны и поныне

Картина «Конец» 1948г. вершина в живописи Кукрыниксов.

Фашизм -
европейское по
преимуществу
политическое
движение XX века,
специфическая
форма
государственно го
правления .

Смерть фашизму

